

Из воспоминаний

Чему свидетелями были...

А.Г. Маркова (Мекензина)

В газете «Курская правда» за 1972 год была опубликована корреспонденция бывшего секретаря Тимского райкома партии, персонального пенсионера А.С. Бычкова. В ней он рассказывал о том, как в годы Великой Отечественной войны патриоты села Гнилое показали гитлеровцам путь через минное поле. Продвигаясь по этой дороге, немецкие машины взлетели в воздух. Вернувшись назад, озверевшие гитлеровцы жестоко расправились с населением и сожгли почти все село. Несколько сотен человек стали жертвами террора. Конечно, интересно было бы почитать эту статью, но, к сожалению, в архивах районного музея ее в наличии нет. Но есть другие публикации, документы и письма очевидцев тех грозных лет. Во многих из них упоминается имя Алексея Стефановича Бычкова, командира партизанского отряда в Тимском районе, в том числе и в воспоминаниях А.Г. Марковой.

...Память — это уникальная способность человека. Она хранит события, людей, которые не забываются, сколько бы времени ни прошло. Это прекрасное чувство побуждает людей, отложив повседневные дела, взяться за перо. Однажды Александра Гавриловна так и сделала, она написала свои воспоминания о годах оккупации в поселке и отнесла их в районный музей.

...«Когда я вижу по телевизору беженцев, невольно встают перед глазами ужасы суровых лет войны и наша молодость в них. Мои родители из пятерых детей потеряли двух дочерей. Лучше нашим детям, внукам и правнукам никогда этого не знать и не видеть». С этих слов она начала свое повествование.

...1943 год. Ее старшая сестра Нина тогда работала в Тимском райпотребсоюзе заведующей базой. Ей приказали эвакуировать товары в Ястребовку. И она взяла Сашу с собой. Когда девушки решили возвратиться назад, путь преградили советские солдаты, сказав, что Тим уже занят немцами. А где же родители? Куда эвакуировались они? Девушки были встревожены, они остались одни. По дороге в сторону Воронежа шли колонны отступающих, с ними и продолжили свой путь сестры Мекензины. Среди людей они увидели председателя поссовета Платонову и секретаря Григорьеву с детьми.

Когда пришли в село Лисички,

то там уже были гитлеровцы. Остановились на квартире у одной женщины. Однажды, забежав в дом, хозяйка сказала, что немцы хозяйничают везде и преследуют молодых девушек. Нина легла в кровать, намазала мазью с ядовитым запахом, притворилась заразной больной, а Саша

была под картошкой. Девушка заплакала, бросилась в ноги и сказала, что у нее маленькие дети голодные. Немцы осмотрели сверху котомки и отпустили. А она шла и думала, что сейчас ей выстрелят в спину. Пришла в себя только на окраине Тима, где находилась явочная квартира Михайлова.

Нина помогала партизанам, тем, кто попадал в окружение, отводила в отряд. Однажды зашел в дом к сестрам полицейский Шаламов, все просмотрел и спросил, почему девушки не ходят рыть окопы немцам. У Саши на этот случай была фальшивая справка из больницы о том, что у нее тяжелая форма туберкулеза, а Нина ухаживает за ней. Подозревая что-то, полицейский не догадывался, что в доме спрятана под кроватью «посланица» от Бычкова. У девушек дрожали руки и ноги, они стояли как вкопанные. К счастью, и на этот раз все закончилось благополучно. Но за домом установили слежку.

Был еще такой момент. Ночью русских военнопленных гнали через Становое. Немцев была тьма, так что предпринять какие-

А.С. Бычков

спряталась на печку. Вошедший немец несколько минут метался по комнате и, выругавшись, ушел. В селе фашисты установили свою власть и всем эвакуированным приказали возвращаться к себе домой, кто ослушается — расстрел. Нина и Саша отправились обратно в Тим. Семью не застали, на месте их дома были руины, поэтому пришлось попроситься на квартиру. Об их приезде узнал и первый секретарь райкома А.С. Бычков, который остался по приказу обкома партии в поселке.

...Потом к Нине стали приходить люди, посланные Бычковым. Хозяину это не понравилось, он почувствовал что-то неладное, и это действительно было не без основания. Мужчина попросил девчат освободить жилье, боясь расправы немцев. Девушки ушли в свой разрушенный дом.

Нина постоянно куда-то уходила, а сестре говорила, что идет в Успенку к дяде за продуктами, но почему-то ничего не приносила. Однажды она призналась Саше в том, чем занимается. А вдруг с ней что-то случится и сестра не будет знать правды! Страх и опасения за Нину приводили Сашу в ужас.

Как-то не было ее 3 дня. Вернувшись, она бросилась в объятия, расцеловала и заплакала, сказав: «Шура! Слава Богу, я жива!». Оказывается ей дали задание принести из Погожего в Тим гранаты подпольным работникам: Михайлову, Локтионову, Афанасьеву, Лагочеву. А на пути стояли немецкие патрули. Они остановили Нину, заставили снять мешок, а грана-

ты были под картошкой. Девушка заплакала, бросилась в ноги и сказала, что у нее маленькие дети голодные. Немцы осмотрели сверху котомки и отпустили. А она шла и думала, что сейчас ей выстрелят в спину. Пришла в себя только на окраине Тима, где находилась явочная квартира Михайлова.

В поселке всюду хозяйничали немцы, в центре находилась комендатура. Среди населения прошли слухи, что составляют-

ся списки комсомольцев, партийных работников и скоро прибудет карательный отряд их расстреливать. В списке числились сестры Мекензины. Надо было что-то предпринимать. Нина решила уйти и спрятаться на время в Успенке у дяди, Шура осталась в Тиме, теща А.С. Бычкова упрятала ее в нежилом доме в печь и заложила кирпичом. Когда каратели уехали, Шуру освободили «из каменного плена». Арестованных фашисты свезли на окраину, выстроили у разрушенного дома рядом с погребом, поверх голов дали автоматную очередь и, затолкав их в погреб, стали закапывать живьем. Среди них была секретарь поссовета Григорьева. Земля еще долго после этого зверства дышала.

Когда гитлеровцы стали отступать, сестрам дали задание вывесить красный флаг над домом, а на противоположной улице на чердаке забарикадировались фашисты и, увидев девушек, открыли огонь. Шура и Нина побежали к погребу, где уже прятались люди. Два немца подошли к нему и наставили автоматы. Одна бабушка подняла руки и закричала, что там дети. Тогда фашист бросил гранату. Нина успела крикнуть Шуру: «К стене лицом!». Прогремел взрыв, его как-то смягчили находящиеся в погребе подушки и перины. Люди стали падать друг на друга. Шура почувствовала боль в груди. Рядом застрочил автомат. Все лежали без движения — и раненые, и живые, и мертвые. Шуру было тяжело дышать, она сдерживала стоны. А Нина ее успокаивала, та тоже была ранена, у нее выбило все зубы, на голени сочилась рана. Здесь же в погребе они увидели ту самую Дусю-партизанку, ее даже осколками не задело. Потихоньку живые стали выбираться из погреба, а кругом разрушенные дома, трупы немцев и русских.

Куда идти и что делать — на улице лютый мороз. Чтобы не замерзнуть, сестры побежали в 3-е Выгорное (там уже были русские) к знакомым Афанасьевым. Нина вспоминала, что когда-то главу семейства отводила в партизанский отряд. В их доме располагался госпиталь. Раненым девушкам сделали операции. Военврач ухаживал за ними «по-особенному» по приказу командира партизанского отряда Бычкова, который навещал их не раз и спрашивал о здоровье. Он дал Нине монеты, чтобы та вставила зубы.

В те грозные годы партизаны-тимчане действовали смело и решительно. Они уничтожали живую силу и технику противника, вершили суд над предателями, оказывали помощь разведчикам и т.д.

С каждым годом героев войны и очевидцев остается все меньше и меньше. Из уст в уста, из поколения в поколение передаются воспоминания о тех страшных годах. Мы, не знавшие ужасов Великой Отечественной, гордимся своими предками — настоящими патриотами Родины.

...Пройдут годы, а память останется. У нее особое свойство — затрагивать самое сокровенное. Она венчает самых достойных и живет вечно.

Л. НИКОЛАЕВА

ВETERANAM

Ветераны!

Как стремительно ваши
редуют ряды,

Как в войну.

Вот и снова черкаю

Фамилей одну,

Будто по сердцу раны.

Сколько ж выпало вам!

Кровь и пот

И накрытый мальчишкою

Вражеский дзот.

Боевые сто грамм

И махра пополам.

Лязг металла

И грохот боёв,

Заскорузлое в поте

И крови бельё,

Посвист пуль

И разрывы гранат,

И солдатский отчаянный мат.

Вонь окопов

И тяжесть дорог,

Боль за близких

И узел тревог —

Всё смешалось

И солдатская слава,

И коварная мина.

Сколько раз ты, судьбина,

Взводила курок,

Леденила смертельным

Дыханьем висок.

Рядом падал дружок,

Стекленели глаза.

В горле жгучим комком

Застревала слеза.

Доставалось!

Пусть не все вы вернулись

С войны.

И не все дождались

Тишины.

Жизнь осталась!

Были вёсны

И белая кипень садов,

Детский смех,

Синь небес и берёзовый лес,

И улыбки родных и друзей,

Тихий шёпот невест

И печаль матерей.

Ветераны!

Не забудем ни славы

Мы вашей, ни раны.

Вы страну не отдали!

Это свято!

И помнят народы об этом
потом

Не годами — веками!

Вы живите ещё!

Вы живите ещё, ветераны!

Л. КРИВОЛАПОВА, п. Тим

Исповедь солдата

Нас валит обломками зданий,

Нас пулями рвёт на куски.

Мы знаем, мы верим —

Бог с нами

В далёком-далёком пути.

Опасности полон наш путь,

С него мы не можем свернуть.

Но мы не сойдёмся врагу,

Уж лучше погибнем в бою.

Нас много погибнет ещё,

Но мы победим всё равно!

Д. ЧУНИХИН,

ученик 3-Выгорновской школы